

Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация в государственном управлении

Край К.

Коммуникационный аспект терроризма — польский взгляд

Казимир Край — кандидат политических наук, член Общества изучения истории отечественных спецслужб в Москве; член Европейской ассоциации по изучению проблем безопасности (*European Association for Security*) в Кракове (Польша); главный редактор ежеквартального издания *e-Studia na Bezpieczeństwie i Terroryzmie* и ежемесячника *e-Terroryzm.pl*, Краков, Польша.

E-mail: artuzow@wp.pl

Аннотация

Статья посвящена проблеме терроризма, рассматриваемого как процесс и стратегия коммуникации. Цель — подчеркнуть эволюционный характер терроризма, проанализировать существующие подходы к проблеме взаимосвязи терроризма и коммуникации, а также исследовать спектр используемых террористами современных медиатехнологий для достижения политических целей. Актуальность темы исследования диктуется развитием и растущим значением коммуникационной сферы в террористической деятельности. Это особенно заметно на примере запрещенной в России организации «Исламское государство». Особое внимание уделено концепциям польских исследователей, занимающихся проблематикой коммуникации и терроризма. Показано, что подходы польских специалистов коррелируют с оценками коммуникационного аспекта терроризма, принятыми на Западе, при этом существует определенная недооценка российского опыта борьбы с терроризмом, проявляющаяся не только в исследовательской литературе, но и в СМИ. Автор приходит к выводу, что использование российских исследований могло бы благотворно повлиять на развитие конструктивной научной дискуссии. Кроме того, указана необходимость сравнительных исследований современного терроризма в сочетании с изучением неклассических и информационных войн.

Ключевые слова

Коммуникация, международный терроризм, средства массовой информации, гибридные войны, мятежевойна.

Введение

Терроризм — это политическое и общественное явление, причины которого заключаются в сложных социальных процессах. Этот феномен эволюционирует, приспосабливается к изменениям в обществах, где совершаются террористические акты. Терроризм в Европе рубежа XIX–XX веков отличается от терактов 1980-х годов. Современные формы терроризма характеризуются преобладанием организаций, выступающих под религиозными лозунгами, жестокими убийствами с большим количеством жертв, разрушением гражданских объектов, убийствами мирных граждан. Прямое сравнение терроризма разных эпох и регионов мира иллюстрирует расхождения в тактике и *modus operandi* террористов, как и эволюцию самого феномена терроризма. Терроризм изменяется, совершенствуется вместе с

поступательным цивилизационным развитием человечества и изменениями на международной арене и в национальной политике государств.

Затрагиваемая тематика представляется весьма актуальной. Деятельность запрещенной в России организации «Исламское государство» — наглядный пример развития стратегий коммуникации террористов с общественностью.

Статья не посвящена терроризму вообще. Мы будем заниматься, прежде всего, анализом процесса и, одновременно, стратегий коммуникации. Стоит, однако, привести во вступлении несколько определений терроризма. Два из них — авторства польских специалистов. Лонгин Т. Шмидт в своей книге, посвященной терроризму, определил его так: «...Терроризм всегда сочетался с изощренными, а значит, труднораскрываемыми способами убийства лиц, занимающих руководящие посты... Терроризм как индивидуальная антигосударственная деятельность в настоящее время принял разнообразные формы, в корне отличные от первоначальных покушений на жизнь глав государств, поэтому борьбу террористов против представителей власти полагается рассматривать, принимая во внимание разные общественно-политические условия...»¹.

Профессор Тадеуш Ханаусек утверждал, что терроризм — это «спланированная, организованная, обычно идеологически обоснованная и в любом случае имеющая политические мотивы деятельность лиц или групп с целью спровоцировать государственные власти, общество в целом или отдельных его представителей на определенные действия или поведение, реализованная в преступных формах, рассчитанных на получение широкой известности и максимальное устрашение...». При этом терроризм, «как правило, включает использование физического насилия, для выражения в террористическом акте определенных ценностей и целей, обоснования определенной идеологии или взглядов»². Приведу еще одно, на этот раз очень короткое определение терроризма, данное специалистами из Академии национальной обороны в Рембертове: «форма насилия, заключающаяся в продуманной акции с целью принудить или запугать правительство или определенные группы общественности, политических, экономических или других деятелей»³.

¹ *Szmidt L.T.* Terroryzm a państwo studium poświęcone historycznym, socjologicznym i agonologicznym aspektom terroryzmu. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1979. S. 40.

² Цит. по: *Kraj K.* Rosja w walce z terroryzmem. Kraków, 2009. S. 16.

³ *Słownik terminów z zakresu bezpieczeństwa narodowego / Red. W. Lępkowski.* Warszawa: Akademia Obrony Narodowej, 2002. S. 149.

Главная цель наших рассуждений — представить терроризм как процесс и стратегию коммуникации. Уже в приводимых выше примерах определений можно заметить, что террористический акт — это особое сообщение, отправленное потребителям.

Коммуникационный аспект терроризма в теоретических исследованиях

Коммуникация — это передача информации, сообщений, а также поддержание контакта с кем-то по его согласию⁴. Сообщение (коммуникация) — неотъемлемая часть функционирования общества. Исследования человеческой деятельности всегда в большей или меньшей степени связаны с коммуникационными процессами. Коммуникация часто воспринимается как применение информации для конструирования конкретных значений⁵. Связь терроризма с коммуникационными процессами и СМИ является часто предметом исследований, связанных с формами политического насилия.

Тридцать два года тому назад Алекс Шмид и Альберт Йонгман проанализировали 109 академических определений терроризма. Фактор публичности присутствовал в 21,5% этих определений⁶. Большинство исследователей соглашается в том, что специфика терроризма напрямую следует из его коммуникационной функции. Террористические действия можно определить как особое выражение общественных или политических взглядов, которые в определенном государственном режиме не могут быть выражены другим способом. Развитие СМИ (пресса, радио, телевидение, интернет) способствовало возникновению их своеобразного симбиоза с терроризмом. Это даже одно из наиболее существенных условий функционирования современного терроризма.

В 1967 году Йохан Гальтунг и Мари Руге определили критерии информационной ценности события, каким может быть и террористический акт. К таким критериям мы можем причислить, в частности, негативность, внезапность, персонификацию, продолжение или деструктивность⁷. Очевидно, что современные технологические решения, повлиявшие на развитие и доступность средств массовой информации, наложили отпечаток на развитие терроризма. Прогресс, однако, не изменил значения этого феномена, суть которого — в процессе коммуникации между террористами и их «зрительным залом».

⁴ Słownik języka polskiego / Red. M. Szymczak. Warszawa: PWN, 1978. S. 981.

⁵ Komunikacja społeczna a wyzwania współczesności / Ed. Majka-Rostek D. Warszawa, 2012. S. 7.

⁶ Bolechów B. Terroryzm, aktorzy, statystyki, widownie. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010. S. 209.

⁷ Ibid. S. 210.

Террористы с самого начала использовали СМИ и их возможности для своих целей. Так поступали, в частности, члены «Народной воли» и ее преемники из «Партии социалистов-революционеров», проводя пропагандистские кампании, чтобы снискать симпатию и внимание европейской общественности. Уже предшественники этих организаций использовали доступные средства связи для распространения своих идей. Примером может служить опубликование Сергеем Нечаевым в «Правительственном курьере» «Катехизиса революционера»⁸. «Народная воля» послала в Канаду и США своих представителей, которые направили письмо царю Александру III с оправданиями убийства его отца. Когда от ранения, нанесенного террористом, умер президент Соединенных Штатов Джеймс Гарфильд, те же самые люди написали письмо американскому народу, осуждающее террориста и терроризм, применяемый в демократическом обществе⁹. Так же поступили эсеры после убийства Вячеслава Плеве, распространив во Франции прокламацию, адресованную всем гражданам цивилизованного мира. Они разъясняли в ней, почему вынуждены применять радикальные методы в борьбе с тиранией¹⁰.

Перечисленные выше организации понимали необходимость использовать возможности, которые предлагают средства массовой информации для достижения пропагандистских целей.

У истоков первой волны современного терроризма второй половины XX века стоял итальянский революционер Карло Пизакане, который разработал концепцию «пропаганды действием». Согласно ей, акты насилия понимаются как действия коммуникационного и дидактического характера. Благодаря им сознательные политические элиты разбудят массы от апатии и склонят к революционным действиям. Отражения этой концепции можно найти в письмах Петра Кропоткина, Карлоса Маригелы, публикациях «Фракции Красной армии». В настоящее время мы их находим, например, в пропаганде террористических салафитских группировок.

Американский исследователь Филип Карбер уже в 1971 году предлагал анализировать терроризм, с помощью методов исследования других форм коммуникации. Составляющие терроризма таковы: генератор (террористы), планируемые потребители (цель), передача сигнала (взрыв или, например, засада) и реакция цели. «Террористическое коммунике насилия делает необходимым

⁸ *Kraj K.* Op. cit. S. 53.

⁹ *Bolechów B.* Op. cit. S. 210

¹⁰ *Ibid.*

присутствие жертвы... однако цель или планируемый потребитель сообщения не должен быть жертвой... Терроризм подвержен воздействию большого количества шумов и помех, которые присущи более конвенционным средствам коммуникации. Проблема, в частности, заключается в недостаточной четкости сигнала, в специфике процесса передачи сообщения (выбор жертвы может передать неверное сообщение аудитории), фоновых шумах (конкурирующие происшествия отвлекают внимание), деформации сигнала с определенной целью (потребитель ошибочно интерпретирует сигнал, и исходные данные уже смогут быть использованы для достижения целей коммуникатора)»¹¹.

Важно также отношение средств массовой информации к террористическим актам, обусловленное, например, редакционной политикой телевизионных станций, государственных или частных. Очевидный пример — освещение польским телевидением терактов 2013 года в Волгограде (два теракта) и в Бостоне. Оба теракта совершены чеченскими террористами. Трагедии в Бостоне была посвящена дневная специальная передача, репортажи с места происшествия, комментарии экспертов, журналистов. Теракты же в Волгограде были предметом комментариев, но общественное телевидение не считало необходимым подготовить специальный выпуск передачи и показывать комментарии в том же количестве, как после бостонского теракта с немногочисленными жертвами. Когда погибает несколько десятков человек в результате терактов в Ираке, Пакистане, Сирии или на далекой Шри-Ланке, информация о них проходит на польском телевидении почти незаметно. На масштабное освещение в специальных телевизионных программах в Польше решились после атаки на редакцию *Charlie Hebdo*. То есть террористы могут прийти еще к одному выводу: помимо технических ограничений в современных средствах коммуникации, влияние на передачу сообщения могут оказать политическая конъюнктура, отношение к государству, в котором был совершен теракт, взгляды журналистов и редакционная политика средств массовой информации.

Следует указать на несколько важных деталей коммуникационного аспекта терроризма. Это средства передачи информации, которыми являются телевидение, радио, интернет, в меньшей степени пресса. Они имеют ограниченное пространство действия, их характеризует временной критерий обращений к потребителю. Печатные публикации — очевидно, самые ценные с точки зрения передачи оценок, комментариев и разъяснения событий.

¹¹ Цит. по: *Bolechów B.* Op. cit. S. 211.

Второй немаловажной деталью является место сообщения террористов аудитории. Речь идет о соотношении времени совершения террористического акта и времени, в которое сообщают о нем СМИ. Важно, как передается сообщение: очевидцами или при помощи посредников.

Немаловажная деталь — это место возникновения коммуникационного акта. Оно не связано с местом самой террористической атаки, которое не имеет существенного значения для получателя сообщения. С точки зрения потребителя важно, где он получит сообщение. Особое звучание получит сообщение об атаке на больницу в Буденновске, представленное потребителю, который находится в больнице, иное — зрителю в театре после атаки на Дубровке. Это же самое сообщение, полученное дома, имеет другое значение.

Существенный элемент коммуникационного аспекта терроризма — участники коммуникационного акта, как получатели, так и отправители и их окружение, способное оказывать влияние на сопровождающие передачу эмоции. Очевидное имеют и другие детали: социальные факторы, другие сообщения сторон коммуникационного акта (террористического), пол, общественный статус, образование, вероисповедование или политические взгляды. Последний, но самый важный элемент — это обстоятельства, в том числе случайные, провоцирующие террористический акт¹².

Алекс Шмид и Дженни де Грааф констатировали, что «непосредственная жертва является исключительно инструментом, кожей на барабанах, в которую ударяют с целью оказать ожидаемое влияние на более широкую аудиторию. Как таковой акт терроризма — это в действительности акт коммуникации. Для террористов значение имеет передача сообщения, не жертва»¹³.

Таким образом, в мире господствует своеобразный симбиоз СМИ и терроризма. Террористические акты «продаются» лучше всех других событий. Средства массовой информации определенным способом «очарованы» терроризмом, который дает им возможность расширить круг потребителей. Одним из примеров симбиоза СМИ с террористами является интервью с Абу Аббасом. Когда он взял на себя ответственность за угон судна *Achille Lauro* в 1985 году, журналисты *NBC* нашли террориста и взяли у него интервью, представляя его как государственного деятеля, а

¹² Domański M.A. Manipulacja strachem poprzez język — aspekt komunikacyjny terroryzmu. Rozprawa doktorska. Katowice, 2013. S. 84–85.

¹³ Schmid A.P., de Graaf J. Violence as Communication: Insurgent Terrorism and the Western News Media. Beverly Hills: SAGE Publications, 1982. P. 14. Цит. по: Bolechów B. Terroryzm, aktorzy, statyści, widzowie. S. 211.

не преступника. Абу Аббас использовал ситуацию для донесения своего мнения, что при широком масштабе влияния *NBC* на аудиторию было для него большим успехом¹⁴.

Умелым примером использования процесса коммуникации в террористической деятельности была тактика, применяемая правой террористической организацией «Иргун» в 1940-е годы. Организация боролась за создание государства Израиль, применяла террористические методы, чтобы добиться прекращения британского контроля над Палестиной. «Иргун» атаковал только британские цели. Местное население не было объектом терактов. Оно не чувствовало угрозы. Местное население отождествляло свои цели с целью «Иргун», то есть устранением британцев. Успех должно было обеспечить общественное мнение в Великобритании. Поддерживала эти действия и еврейская диаспора в Англии, активно продвигавшая в СМИ тему убийств в Палестине евреев, ранее преследуемых в нацистской Германии, а теперь борющихся за независимость. Поднимались вопросы потерь британской армии, цены ее содержания на палестинской территории. Вследствие общественного давления, вызванного коммуникационными актами «Иргун», британская армия была выведена из Палестины. Это было одним из факторов, которые дали возможность возникнуть государству Израиль¹⁵.

По мнению исследовательницы терроризма Бриджит Накос, одной из основных целей террористов является завоевание внимания посредников, чтобы проникнуть в «треугольник политической коммуникации», вершинами которого являются правительство, средства массовой информации и общественное мнение (в том числе группы интересов). Как считает Накос, недовольные политические группы, не имеющие достаточно сил и влияния для изменения статус-кво, для выполнения собственных проектов в рамках принятых в государстве правил политической игры, применяют террор. Они включают в арсенал коммуникацию и становятся частью политического процесса. В крайних случаях для достижения целей террористы уничтожают существующий общественный порядок. Средства массовой информации играют ключевую роль, так как общественное восприятие формируется не реальностью, но псевдореальностью, которую сами СМИ и создают¹⁶.

¹⁴ *Bialek T.* *Terroryzmmanipulacjastrachem.* Warszawa: Studio Emka, 2005. S. 197–198.

¹⁵ *Bialek T.* *Op. cit.* S. 203–204; *Hoffman B.* *Oblicza terroryzmu.* Warszawa: Klub Świata Książki, 2001. S. 46–53.

¹⁶ *Nacos B.I.* *Mass Mediated Terrorism.* Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. P. 189. Цит. по: *Bolechów B.* *Op. cit.* S. 211; *Kochanowski J.* *Media, a terroryzm // The Ombudsman's website [Official site].* Publication date is missing. URL: <https://www.rpo.gov.pl/pliki/12271025030.pdf> (accessed: 09.08.2016).

В глобализированном мире даже локальные террористические атаки могут оказывать влияние в международном масштабе. Таким примером стала атака братьев Царнаевых в Бостоне. Вызванный ею резонанс показал силу американских СМИ и доказал, как важно место теракта. Бостонский теракт был воспринят значительной частью общества как невероятный акт насилия из-за сотворения псевдореальности. Многие предшествующие и последующие теракты не освещались так интенсивно, потому что происходили в местах, не столь важных для СМИ при создании соответствующего фрейма.

Примером использования процесса коммуникации с обществом является деятельность организации «Хезболла»¹⁷. Организация занимается не только проведением террористических актов. Она предпринимает и другие действия, среди которых — организация и поддержка школ, благотворительная деятельность, содержание собственных средств массовой информации. Это приводит к тому, что некоторые большие группы общественности воспринимают «Хезболлу» положительно, увеличивается легитимность организации, а передаваемые ею сообщения получают возможность эффективного воздействия на целевую аудиторию¹⁸.

В 1980 году испанский юрист Хосе Десантес Гуантер констатировал, что терроризм можно определить как информационное преступление. По его мнению, насилие — только способ перехода к информационному терроризму¹⁹. Доктор Фредерик Хакер в выступлении перед комиссией Конгресса США по внутренней безопасности 14 августа 1974 года констатировал, что при возможности исключения элемента публицити и рекламы было бы предотвращено до 75% актов внутреннего и международного терроризма²⁰.

Польский исследователь терроризма Бартош Болехув (Bartosz Bolechów), как и Брайан Дженкинс, утверждает, что у терроризма есть черты театрального спектакля, даже в большей степени — хеппинга, так как часть его участников (непосредственные жертвы покушения) — становятся элементом представления вопреки собственной воле. Существует сценарий, в котором можно выделить режиссеров и публику, состоящую из сторонников, наблюдателей и противников. Другое подробное перечисление аудиторий террористов представил Алекс Шмид:

¹⁷ Ebbig P., Fiedler R., Wejszkner A., Wojciechowski S. *Leksykon współczesnych organizacji terrorystycznych*. Poznań: Instytut Nauk Politycznych i Dziennikarstwa, Uniwersytet im. A. Mickiewicza, 2007. S. 81–83.

¹⁸ Bialek T. *Terroryzmmanipulacjastrachem*. Warszawa: Studio Emka, 2005. С. 213.

¹⁹ Bolechów B. *Op. cit.* S. 212.

²⁰ *Ibid.*

мировая общественность; часть общественности внутри страны, которая осуждает террористов; общественная группа (класс, этническая группа и т.п.), от имени которой действуют террористы; правительство, являющееся непосредственным противником террористов; соперничающие политические движения (в том числе террористические группы); сами террористы и их искренние сторонники²¹.

Принимая за основу то, что терроризм — это процесс коммуникации, мы обязаны помнить о двух вещах. Первое: терроризм динамичен. Он подчиняется непрерывной эволюции, гетерогенен (различные группировки действуют в разных условиях, имеют разные цели, отличаются степенью четкости в их выполнении, имеют разные идеологии, структуру, человеческие или финансовые ресурсы). Кроме того, террористические группы проходят, как всякие общественно-политические движения, разные этапы в своем развитии, а вместе с ними развиваются и процессы коммуникации, их роль, значение насилия в зависимости от этапа. Соотношение между терроризмом, средствами массовой информации и аудиторией — один из ключевых элементов феномена терроризма.

Расценивая терроризм как своеобразный театр преступления с актерами, политической сценой и публикой, Марк Юргенсмайер дает ему название «театр террора»²². Всегда в центре внимания находится террористический акт, представляющий насилие, аномальный, потрясающий и возмутительный. Через средства массовой информации создается особое чувство связи между жертвами теракта и потребителями медиапродукта. Террористы без средств массовой информации не достигают известности. Для медиа тема террора эффективна, так как вызывает заинтересованность потребителей, что гарантирует коммерческий успех. Стоит подчеркнуть, что деятельность медиа может привести к усилению напряжения и страха, а иногда и к росту числа террористических актов.

Основная цель террористов — вызвать хаос, панику и беспорядки. Атмосфера страха дестабилизирует государства, ведет к ограничению их суверенитета. Терроризм, который по своей природе стремится к политическим изменениям, функционирует, поддерживая психологический механизм запугивания. Страх, ужас или паника вызывают недостаток чувства безопасности. Постоянное присутствие проблемы

²¹ *Bolechów B.* Op. cit. S. 213.

²² *Borkowski R.* *Terroryzmponowoczesny Studium z antropologiiipolityki.* Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007. S. 260.

терроризма в средствах массовой информации может породить миф о всесильном враге, коллективный психоз.

Американский политолог Бенджамин Барбер отмечал, что «терроризм может привести к тому, что страна запугает сама себя и дойдет до состояния паралича»²³.

Терроризм, будучи стратегией политического действия, ориентируется на средние эффекты примененного насилия. Террористам в большей степени важны психологические эффекты. Очевидно, что количество жертв и атакованных целей влияет на психологическое восприятие угрозы терроризма, наносит ущерб символам государства и общества. Объекты, атакованные в США 11 сентября 2001 года, были символами силы этого государства. Не символического ли масштаба был взрыв бомбы на станции метро «Лубянка» в Москве в 2010 году? Рядом находится резиденция Федеральной службы безопасности, сотрудники которой находятся на первой линии борьбы с терроризмом в России. Удары в таких местах имеют символический характер и являются эффективными пропагандистскими актами.

Немецкий исследователь конфликтов и войн Герфрид Мюнклер подчеркивает, что терроризм — это также коммуникационная стратегия. Благодаря своим привлекающим внимание действиям он должен служить распространению определенных посланий. Характер террористических действий при этом наступательный: они призваны выявить слабость атакованной стороны, сигнализировать о готовности повторения ударов по противнику, пока не будут выполнены политические требования террористов. Кроме того, послание адресуется потенциальным сторонникам и тем, от чьего лица выступают террористы²⁴.

В настоящее время все большую роль играют картины войн и конфликтов, создаваемые СМИ, которые, с одной стороны, нагнетают атмосферу страха, а с другой — ведут к разочарованию граждан в государстве и вовлечению их в вооруженные конфликты. По сравнению с предыдущими волнами терроризма, уже ушедшими в историю, цель современного религиозного терроризма — не представление общественности своих манифестов. Средства массовой информации служат теперь, похоже, как и сами террористические атаки, для демонстрации силы террористических группировок. Они направлены не на принуждение противника (правительства) к уступкам, но на его уничтожение²⁵.

²³ Barber B.R. Imperium strachu. Wojna, terroryzm i demokracja. Warszawa: MUZA, 2005. С. 23.

²⁴ Borkowski R. Op. cit. S. 262.

²⁵ Madej M. Międzynarodowy terroryzm polityczny. Warszawa: MSZ, 2001. S. 17–18.

Современные террористы по-прежнему пользуются традиционными средствами массовой информации для передачи своих требований. Всё чаще они создают собственные каналы информации. Террористы всегда использовали доступные в их эпоху технологии²⁶. Развитие цифровых технологий расширило способы общения террористов с аудиторией. К самым важным каналам передачи принадлежат компьютерные сети и интернет, дешевая аудиовизуальная продукция (видео), а также частные арабские телевизионные станции²⁷.

Террористические организации необычайно умело пользуются возможностями, которые дают новые медиатехнологии, в том числе интернет. Они размещают в киберпространстве фильмы о казнях и пытках заложников, сообщения об атаках в Ираке или Афганистане. Публикуют справочники по сборке бомб и других видов оружия, в том числе биологического. Таким примером может быть журнал *The Inspire*, который издается не только на английском языке, но и на русском. Возможности, предоставляемые интернетом, использует «Хезболла», члены которой создали и ведут интернет-страницу на иврите, предназначенную для израильтян²⁸.

Исследуя и анализируя терроризм не только как процесс, но и как стратегию коммуникации, можно заметить, как он приближается по своему характеру к асимметричным военным действиям, гибридным (неклассическим) войнам. В войнах этого типа приоритетное значение имеет психология. Национальная армия — это психологический организм, национально-освободительное движение (как и террористическое) — это вдвойне психологическое явление²⁹. Необходимо исследовать связь терроризма с масс-медиа, узнавать новые способы коммуникации и их роль в стратегиях террористических организаций. Как я упомянул выше, террористическая деятельность всё больше похожа на гибридные войны или воплощения концепции мятежевойны Евгения Месснера³⁰. Две мировые войны и местные конфликты стали причиной того, что войны смешались с бунтами, мятежами, а бунты — с войнами. Так возникла новая форма вооруженных конфликтов — мятежевойна³¹. Это явление, как и

²⁶ Goban-Klas T. Media i terroryści. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009. S. 198.

²⁷ Ibid. S. 199.

²⁸ Węgliński B. Media i terroryzm — wybrane aspekty związku. Czy Al-Jazeera English jest jedynie tubą propagandową Al-Kaidy? // Rocznik Bezpieczeństwa Międzynarodowego. 2012/2013. T. 7. S. 272.

²⁹ Месснер Э. Мятеж — имя третьей всемирной // Хочешь мира — победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М.: Русский путь, 2005. С. 133; и др.

³⁰ Kraj K. Wojny asymetryczne czy miatieżewojna Jewgienija Messnera zagrożeniem dla bezpieczeństwa w XXI wieku // Bezpieczeństwo. Teoria i Praktyka. 2012. № 3. S. 33–40.

³¹ Kraj K. Wojny asymetryczne czy miatieżewojna Jewgienija Messnera zagrożeniem dla bezpieczeństwa w XXI wieku. S. 36.

терроризм, не подчиняется определенным нормам или шаблонам. Тактика мятежевойны, войны хаоса, весьма гибка. Цель мятежевойны — деморализация, беспорядок, террор, вербовка к делу революции, перестройка душ. Стратегическая цель — разрушение структуры государства. Это ли не цель современных террористических организаций? Пятьдесят лет тому назад такой тип действий предусмотрел полковник Евгений Месснер³².

Возможно, сравнительные исследования этих явлений позволят выработать более эффективные методы противодействия терроризму. Они послужат одновременно и подготовке инструментов для борьбы с гибридными войнами, цветными революциями и технологиями Майдана.

Выводы

Анализ работ польских исследователей показывает, что в большинстве случаев они склоняются к оценкам, принятым на Западе. В их работах не учитываются концепции и взгляды российских авторов в этой области. Вместе с тем представляется весьма целесообразным применение в анализе террористической угрозы концепций гибридных войн, проведение сравнительных исследований терроризма и асимметричных военных действий, гибридных войн. Такие исследования способствовали бы совершенствованию методов борьбы с терроризмом, в том числе с точки зрения коммуникации. Автор питает надежду на развитие научного сотрудничества польских и российских исследователей феномена терроризма, что позволит обогатить выбор существующих сегодня теоретических концепций и практических решений в этой области.

Список литературы:

1. *Barber B.R.* Imperium strachu. Wojna, terroryzm i demokracja. Warszawa: MUZA, 2005.
2. *Białek T.* Terroryzmmanipulacjastrachem. Warszawa: Studio Emka, 2005.
3. *Bolechów B.* Terroryzm, aktorzy, statyści, widownie. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010.
4. *Borkowski R.* Terroryzmponowoczesny Studium z antropologiipolityki. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007.
5. *Domański M.A.* Manipulacja strachem poprzez język — aspekt komunikacyjny terroryzmu. Rozprawa doktorska. Katowice, 2013.

³² Ibid. S. 37.

6. *Ebbig P., Fiedler R., Wejszkner A., Wojciechowski S.* Leksykon współczesnych organizacji terrorystycznych. Poznań: Instytut Nauk Politycznych i Dziennikarstwa, Uniwersytet im. A. Mickiewicza, 2007.
7. *Goban-Klas T.* Media i terroryści. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009.
8. *Hacker F.J.* Crusaders, Criminals, Crazies: Terror and Terrorism in Our Time. New York: Norton, 1976.
9. *Hoffman B.* Oblicza terroryzmu. Warszawa: Klub Świata Książki, 2001.
10. *Juergensmeyer M.* Terror in the Mind of God. The Global Rise of Religious Violence. Berkeley: University of California Press, 2003.
11. *Kochanowski J.* Media, a terroryzm // The Ombudsman's website [Official site], publication date is missing. URL: <https://www.rpo.gov.pl/pliki/12271025030.pdf> (accessed: 09.08.2016).
12. Komunikacja społeczna a wyzwania współczesności / Ed. Majka-Rostek D. Warszawa, 2012.
13. *Kraj K.* Rosja w walce z terroryzmem. Kraków, 2009.
14. *Kraj K.* Wojny asymetryczne czy miatieżewojna Jewgienija Messnera zagrożeniem dla bezpieczeństwa w XXI wieku // Bezpieczeństwo. Teoria i Praktyka. 2012. № 3. S. 33–40.
15. *Madej M.* Międzynarodowy terroryzm polityczny. Warszawa: MSZ, 2001.
16. *Месснер Э.* Мятеж — имя третьей всемирной // Хочешь мира — победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М.: Русский путь, 2005.
17. *Münkler H.* Wojny naszych czasów. Kraków: WAM, 2004.
18. *Nacos B.I.* Mass Mediated Terrorism. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2002.
19. *Schmid A.P., de Graaf J.* Violence as Communication: Insurgent Terrorism and the Western News Media. Beverly Hills: SAGE Publications, 1982.
20. Słownik języka polskiego / Red. M. Szymczak. Warszawa: PWN, 1978.
21. Słownik terminów z zakresu bezpieczeństwa narodowego / Red. W. Łepkowski. Warszawa: Akademia Obrony Narodowej, 2002.
22. *Szmidt L.T.* Terroryzm a państwo studium poświęcone historycznym, socjologicznym i agnologicznym aspektom terroryzmu. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1979.
23. *Węgliński B.* Media i terroryzm — wybrane aspekty związku. Czy Al-Jazeera English jest jedynie tubą propagandową Al-Kaidy? // Rocznik Bezpieczeństwa Międzynarodowego. 2012/2013. T. 7. S. 264–280.

Kraj K.

The Communication Aspect of Terrorism: The Polish Point of View

Kazimierz Kraj – Ph.D., Member of the History Research Society of National Special Services, Moscow; member of the European Association for Security Studies, Krakow (Poland); Editor-in-Chief, e-Security Studies and Terrorism; Editor-in-Chief, e-Terrorism.pl.
E-mail: artuzow@wp.pl

Annotation

The article is dedicated to the problems of terrorism, examined as a process and strategy of communication. The author tries to emphasize the evolving nature of terrorism, to analyze the existing approaches to the problem of the relationship between terrorism and communication, as well as to study the spectrum of modern media technologies used by terrorists to achieve political goals. The relevance of the research is determined by the development and the rising role of the communications in terrorist activities. This is particularly evident in the case of the “Islamic State” organization, which is banned in Russia. Particular attention is paid to the concepts developed by Polish researchers who analyze the issues of communication and terrorism. It is shown that the approaches of the Polish experts correlate with the communication aspect of terrorism assessments adopted in the West, while there is a certain underestimation of the Russian experience in the fight against terrorism. It is manifested not only in the research literature, but also in the Polish media. The author concludes that the use of Russian research in this area could positively influence the development of constructive academic discussion. Furthermore, the author shows the indispensability of the comparative study of terrorism in connection with the study of unconventional and information warfare.

Keywords

Communication, international terrorism, massmedia, hybrid war, turmoil war.

References:

1. Barber B.R. *Imperium strachu. Wojna, terroryzm i demokracja*. Warszawa: MUZA, 2005.
2. Białek T. *Terroryzmmanipulacjastrachem*. Warszawa: Studio Emka, 2005.
3. Bolechów B. *Terroryzm, aktorzy, statyści, widzowie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010.
4. Borkowski R. *Terroryzmponowoczesny Studium z antropologiiipolityki*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007.
5. Domański M.A. *Manipulacja strachem poprzez język — aspekt komunikacyjny terroryzmu*. Rozprawa doktorska. Katowice, 2013.
6. Ebbig P., Fiedler R., Wejszknier A., Wojciechowski S. *Leksykon współczesnych organizacji terrorystycznych*. Poznań: Instytut Nauk Politycznych i Dziennikarstwa, Uniwersytet im. A. Mickiewicza, 2007.
7. Goban-Klas T. *Media i terroryści*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009.
8. Hacker F.J. *Crusaders, Criminals, Crazyies: Terror and Terrorism in Our Time*. New York: Norton, 1976.
9. Hoffman B. *Oblicza terroryzmu*. Warszawa: Klub Świata Książki, 2001.
10. Juergensmeyer M. *Terror in the Mind of God. The Global Rise of Religious Violence*. Berkeley: University of California Press, 2003.
11. Kochanowski J. Media, a terroryzm. *The Ombudsman’s website [Official site]*, publication date is missing, URL: <https://www.rpo.gov.pl/pliki/12271025030.pdf> (accessed: 09.08.2016).
12. *Komunikacja społeczna a wyzwania współczesności* / Ed. Majka-Rostek D. Warszawa, 2012.
13. Kraj K. *Rosja w walce z terroryzmem*. Kraków, 2009.
14. Kraj K. Wojny asymetryczne czy miatieżewojna Jewgienija Messnera zagrożeniem dla bezpieczeństwa w XXI wieku. *Bezpieczeństwo. Teoria i Praktyka*, 2012, 3, pp. 33–40.

15. Madej M. *Międzynarodowy terroryzm polityczny*. Warszawa: MSZ, 2001.
16. Messner E. *Miatezh — imia tret'ei vseмирnoi Khochesh' mira — pobedi miatezhevoinu! Tvorcheskoe nasledie E.E. Messnera*. Moscow, Russkii put', 2005.
17. Münkler H. *Wojny naszych czasów*. Kraków: WAM, 2004.
18. Nacos B.I. *Mass Mediated Terrorism*. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2002.
19. Schmid A.P., de Graaf J. *Violence as Communication: Insurgent Terrorism and the Western News Media*. Beverly Hills: SAGE Publications, 1982.
20. *Słownik języka polskiego* / Red. M. Szymczak. Warszawa: PWN, 1978.
21. *Słownik terminów z zakresu bezpieczeństwa narodowego* / Red. W. Łepkowski. Warszawa: Akademia Obrony Narodowej, 2002.
22. Szmidt L.T. *Terroryzm a państwo studium poświęcone historycznym, socjologicznym i agonologicznym aspektom terroryzmu*. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1979.
23. Węgliński B. Media i terroryzm — wybrane aspekty związku. Czy Al-Jazeera English jest jedynie tubą propagandową Al-Kaidy? *Rocznik Bezpieczeństwa Międzynarodowego*, 2012/2013, 7, pp. 264–280.